

Ольга Илюха

Советская кукла 1920—1930-х годов как воспитатель «нового ребенка»¹

Olga Ilyukha

Soviet Dolls of the 1920s and 1930s in the Upbringing of the “New Child”

Ольга Илюха (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, директор; доктор исторических наук) ilyukha.olga@mail.ru.

Olga Ilyukha (PhD; Director, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, RAS) ilyukha.olga@mail.ru.

Ключевые слова: советское детство, советская педагогика, педология, история куклы, новый человек

Key words: Soviet childhood, Soviet pedagogy, paedology, doll history, new man

УДК: 37.013:688.721”1920/1939”
DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_77

UDC: 37.013:688.721”1920/1939”
DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_77

В статье раскрывается проблема репрезентации «нового человека» в образе советской куклы и подходы к ее использованию в качестве средства воспитания «нового ребенка» в 1920—1930-х годах. В этот период были отвергнуты старые игрушки, складывались педагогические и эстетические требования к советской кукле, в ее производстве утверждался реалистический метод. Если в 1920-х годах шли поиски подходов к использованию куклы в воспитательном процессе и осуществлялся определенный диалог ее создателей с властью, то в 1930-х годах сформировался четкий канон внешнего облика советской куклы и определенные требования к детским игровым практикам.

This article examines the representation of the “new man” in Soviet dolls and their use as tools for the upbringing of the “new child” in the 1920s and 1930s. During this period, old toys were rejected, and new pedagogical and aesthetic standards for Soviet dolls were established, emphasizing a realistic approach to their manufacture. While the 1920s saw a search for effective ways to use dolls in child-rearing, with doll creators engaging in a dialogue with the authorities, by the 1930s clear rules had been formulated regarding the appearance of Soviet dolls and specific requirements for playtime practices.

Модернистская интенция большевиков выражалась в задаче сформировать массового нового человека, «эскиз» которого был создан задолго до революции (см.: [Геллер 1994: 28; Soboleva 2017]). Наиболее податливым материалом для социального инжинеринга в интересах коммунизма считались «подобные воску» дети², поэтому детство стало сферой особого государственного интереса.

«Рожденные Октябрем» и не знавшие досоветского прошлого дети, в отличие от взрослых людей, не требовали усилий по социальной «перековке». Однако для правильной формовки мировоззрения юного поколения нужны были новые книги и игры, новый круг образов, включая новую куклу. Этот запрос власти отразился в лозунге «Новым детям — новые игры»³.

- 1 Статья выполнена в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.
- 2 Эту метафору использовала заведующая отделом народного образования Петроградского исполкома З.И. Лилина (Зиновьева) в 1918 году.
- 3 Этот призыв был использован в качестве названия книги М.А. Радиной-Корнильевой и Е.П. Радина [Радина-Корнильева, Радин 1927]. Авторы книги писали: «...ребенок

И процесс игры в кукол, и сама кукла как материальный объект игры в образе человека оказались под пристальным вниманием и подверглись пересмотру, поскольку доставшиеся в наследство от дореволюционного времени ее внешность и игровые практики отражали в себе «отжившую форму семьи», атрибуты «прежней» жизни и устаревшие формы воспитания [Сальникова, Хамитова 2013: 202]. Большевицкая педагогика не могла допустить присутствия в играх детей куклы противной пролетариату внешности, коль скоро ставилась задача истребления буржуазии как класса, а советская кукла должна была стать важным средством процессов социализации и самоидентификации.

Историю советской куклы исследователи рассматривают под разными углами зрения. С большей или меньшей степенью подробности освещены философские, антропологические, культурологические, литературоведческие, искусствоведческие, педагогические аспекты этой темы. Неисчерпаемость проблематики, связанной с историей куклы, объяснена Ю.М. Лотманом:

От первой игрушки до театральной сцены человек создает себе «второй мир», в котором он, играя, удваивает свою жизнь, эмоционально, эстетически, познавательно ее осваивает. В этой культурной ориентации стабильные игровые элементы — кукла, маска, ампула — играют огромную социально-психологическую роль. Отсюда — исключительно серьезные и широкие возможности, присущие кукле в системе культуры [Лотман 1992: 380].

Проблемы детской игры, трансформации ее содержания в советское время, не обходят стороной антропологи и историки детства. Игра рассматривается ими как элемент детской повседневности, которую взрослые пытались подчинить максимальному контролю (см.: [Салова 2008; Сальникова 2007; Kelly 2007]). Выявлена находящаяся в основе советских игр традиционная матрица, характерная для народных игр, в которую советские педагоги вкладывали актуальное содержание [Гаврилова 2013]. Игрушка же как таковая редко становится объектом анализа. Еще реже в поле зрения исследователей попадает советская кукла. В этой связи интересен опыт написания небольшой научно-популярной книги, основанной, в частности, на коллекциях Санкт-Петербургского музея игрушки, авторы которой наметили этапы истории и характерные особенности советских игрушек, включая куклу [Heinimaa et al. 2005]. Оригинальные работы филолога Марины Костюхиной показывают куклу в качестве персонажа русской и отчасти советской литературы, представляют ее на пересечении игры и чтения — важнейших практик детской повседневности [Костюхина 2008; 2017].

В данной статье представлена прежде всего история детской массовой игровой куклы, производившейся по шаблонам. В центре внимания — проблема репрезентации «нового человека» в образе куклы и подходы к ее использованию в качестве средства воспитания «нового ребенка». Межвоенный период интересен в этом отношении, поскольку в это время складывались педагогические и эстетические требования к советской кукле, в ее производстве утверждался реалистический метод. Если в капиталистических странах ориентиром для производителей оставались прежде всего вкусы и предпочтения потребителей, ведомых модой, а дети становились агентами коммерческих интересов,

периода диктатуры пролетариата есть дитя Октября — новый ребенок, а новым детям нужны и новые игры» [Там же: 4].

то вектор поисков облика идеальной куклы в СССР определяла политическая идеология. Схожей была ситуация в коммунистическом Китае, где также пытались создать политически обоснованную игрушку для «новых детей» [Boretti 2019].

Создание советской куклы и отношение к ней находились под влиянием меняющейся советской повестки дня касательно пола, возраста, классов и этнической принадлежности. Таким образом, небольшой предмет детской игры оказался связанным с изменениями курса большой политики, а его история — вписанной в генеральную периодизацию истории страны XX века. Попытаемся в общих чертах показать разрывы и преемственность в академической и политической публичной риторике, формировавшей и отражавшей отношение к кукле, обозначить роль ученых, педагогов, художников, писателей, политиков в создании представлений об идеальной кукле. Важно также высветить этапы, рубежи и «переломы», которые определялись политикой, но корректировались спецификой положения куклы в системе культуры. В конце концов, хотелось бы ответить на вопрос о том, насколько поиски особого облика советской куклы сопрягались с идеей «нового человека», какие черты «нового человека» пытались воплотить в кукле как его модели и что из этого получилось.

Попытки управления рефлексам и инстинктами в игровом пространстве

В дореволюционный период в России производство кукол определяли рыночные отношения. Основная часть детей довольствовалась игрушками, произведенными кустарным способом. Игровая кукла фабричного производства поступала в Россию в основном из-за границы: до начала Первой мировой войны на российском рынке игрушек в изобилии были представлены куклы «с лицами болвашек» германского производства [Оршанский 1912: 61—62]. В обеспеченных семьях детям покупали импортных кукол с головками из бисквитного фарфора, закрывающимися глазами и двигающимися конечностями. Самыми желанными были французские куклы — настоящие дамы, продававшиеся в дорогих магазинах вместе с наборами одежды и аксессуаров. Немногочисленные отечественные заводы по производству фарфоровых кукол работали в Московской губернии и на территории Польши.

Первая мировая война вызвала «смену власти» в мире кукол. Объемы производства в Германии резко пошли на убыль, а с 1917 года на передний план в массовом выпуске кукол вышли Соединенные Штаты, где предпочтение отдавалось пухлой детской форме [Peers 2008: 27]. США стали влиятельным «законодателем» кукольных типажей, которые в какой-то мере попадали и в поле зрения советских идеологов игры и игрушки.

В России в годы войн и революций кукольное производство практически сошло на нет, а ввоз зарубежных игрушек прекратился. Советской власти досталось в наследство ослабленное кустарное производство, на базе которого стали создавать кооперативы по производству дешевых игрушек, которые были по карману основной части населения страны [Heinimaa et al. 2005: 21, 52].

Уже с конца XIX века в педагогике нарастало стремление управлять детскими играми, включая игру в куклу. Условия и правила внедрялись «сверху», чтобы исключить «вредные игры», в которых проявляется детская агрессия, ран-

няя сексуальность и т.д. [Гаврилова 2013: 134]. Педагогика игры привлекла внимание идеологов большевизма, а задача управления детской игрой в советское время приобрела характер государственного дела. С первых лет советской власти игрушка рассматривалась в одном ряду с учебными наглядными пособиями.

Нарком просвещения А.В. Луначарский призывал не только не препятствовать детям играть, но помогать им играть, направляя игру «в благоприятную сторону» [Луначарский 1918: 2]. Его позиция была воспринята как руководство к действию. Под эгидой Наркомпроса в 1918 году был открыт Музей игрушки в Москве, последовали многочисленные публикации специалистов по теории и практике детских игр, был создан целый ряд комиссий, осуществлявших идеологический контроль за производством игр и игрушек и влиявших на политику в этой сфере.

Государственной поддержкой пользовались педологические исследования, рассматривавшие ребенка комплексно, в социологическом, психологическом, психоаналитическом, генетическом, физиологическом, онтологическом, педагогическом, педиатрическом и других планах. Педология как многопрофильное научное направление и профессиональное движение возникла в начале XX века во многих странах, переживавших быструю модернизацию, поскольку с детьми связывались успехи или неудачи будущего развития. Россия была в этом ряду одной из первых. Здесь «наука о детях» быстро развивалась, и в начале советской эпохи страна дальше других пошла в официальной институционализации педологии. Советским педологам была предоставлена значительная интеллектуальная свобода и широкие возможности для развития научного движения. В арсенале методов их работы были фрейдовский психоанализ и программы психологических тестов; достижения психоневрологической школы Бехтерева и павловской рефлексологии; методы психологии образования с приматом эмпатии, ориентированной на ребенка; антропометрические показатели развития и так называемая дефектология; социологические опросы, дающие право голоса ребенку, наряду с новыми психофизиологическими подходами к изучению «малолетних преступников» [Vyford 2012: 5]. При этом теоретические конструкции педологов строились на безусловной марксистско-ленинской основе, они руководствовались в своих изысканиях «классовым компасом». А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, Н.И. Бухарин живо интересовались этими исследованиями. От педологов, а к ним относили всех представителей обозначенных направлений, кто занимался изучением детей, ждали практических рецептов для быстрого создания массового «социалистического человека».

Спектр эмпирических штудий был широк, обеспечивая фундаментальные исследования, позволившие выдающемуся психологу Л.С. Выготскому сделать выводы об игре как творческом процессе в жизни ребенка и источнике его развития.

Одни из первых рекомендаций по использованию фигурок человека в детском саду были даны комиссией по детской игрушке Центрального педологического института под руководством Н.А. Рыбникова. Основываясь на исследованиях отечественной и зарубежной педагогики, предлагалось создать коллекцию объемных деревянных раскрашенных фигурок для игры детей разного возраста: от чисто схематического изображения человеческой фигуры для младших дошкольников, до усложненных версий, представляющих городские и сельские типы человеческих фигур, — для детей старшего дошкольного

возраста. Показательно, что при разработке этих кукол специалисты института настаивали на ненужности детализации их облика, в том числе точной раскраски, поскольку подобная детализация «стесняет фантазию ребенка» [Рыбников 1924а: 5].

К наблюдениям за играющими с куклами детьми исследователи пытались привлечь родителей и воспитателей, которым предлагалась специальная анкета. Педологов интересовали не только содержание игры в куклы (одевание, прогулки, кормление, сон, походы в гости, похороны, свадьбы и т.д.), но и средства дисциплинирования кукол, их имена, системы кукольного «родства», изложение детьми «снов» кукол и т.д. То есть в центре внимания был мир детской игры во всей его глубине, необходимой для постижения психологии играющего ребенка, для понимания процессов формирования в игре его морали, отражения религиозности, развития родительских качеств [Рыбников 1924б: 75—76].

Сотрудник Центрального педологического института психолог К.Н. Корнилов (позже — директор Института экспериментальной психологии) в 1924 году писал, что «разрешить вопрос об играх ребенка — значит разрешить основной вопрос жизни ребенка» [Корнилов 1924: 36]. Если исследование детских игр в целом имело давнюю традицию, то вопрос о детских куклах оставался «недостаточно освещенным и мало проанализированным» [Там же]. Педологи, работавшие с «сугубо-изменчивым детским материалом», в 1920-х годах увлекались рефлексологическим подходом. Он основывался на предположении академика И.П. Павлова о превращении условных рефлексов в безусловные, возможности их наследственного закрепления, что смыкалось с задачей формирования «нового человека»⁴. В русле социального детерминизма биологической природы человека сторонники рефлексологии признавали, что поведение детей можно и нужно формировать на уровне рефлексов, то есть идеологически одобренные персональные и социальные поведенческие практики должны были стать физиологической потребностью организма (см.: [Грэхэм 1991]). Высоко оценивалось значение игрового пространства для выработки рефлексов. В ходе подвижных игр предполагалось, в частности, развивать рефлексы нападения и обороны. Игрушка, включая куклу, в экспериментах по изучению поведенческих рефлексов рассматривалась в качестве «раздражителя», вызывающего определенные реакции. При этом акцент делался на изучении коллективной игры. В этих исследованиях особо обращалось внимание на способности детей — будущих строителей коммунизма объединяться в коллектив, приспосабливаться к среде, преодолевать препятствия (см.: [Файвусиович 1928: 26, 40]).

Последователи В.М. Бехтерева делали акцент на способности детского коллектива «видоизменять ответные реакции организма», нужным образом корректировать «социальные рефлексы» [Осипова 1928: 26]. Эти изыскания были подхвачены практикующими педагогами, создававшими новые игры. Многократное повторение одних и тех же игровых действий, в которые заложено «революционное» содержание, направление фантазии детей в правильное русло, — все это должно было вырабатывать и закреплять нужные рефлексы. «Образование условных рефлексов направляется данными играми в сторону

4 См. подробнее о семантическом смыкании предположений Павлова и дискурса о создании «нового человека»: [Богданов 2007].

окружающих детей явлений классовой борьбы как в СССР, так и во всем мире» [Радина-Корнильева, Радин 1927: 14], — констатировали авторы одного из методических пособий.

Педологи рассматривали социальные практики детского поведения в совокупности с природными инстинктами. Игра в куклы трактовалась как проявление материнского инстинкта, заложенного природой в девочек, и заслуживающего его культивирования. Педолог А.Н. Антонов отмечал, что «родителям можно было бы посоветовать дарить детям прежде всего кукол бэбэ, а не разряженных барышень» [Антонов 1924: 27]. Эта рекомендация отражала популярную в плане воспитания «нового человека» идею регулирования врожденных инстинктов, но она звучала диссонансом относительно политических установок по формированию женщины-работницы, общественницы, шла вразрез с советским гендерным проектом 1920-х годов, направленным на уравнивание полов, противоречила прогнозам о скором исчезновении института семьи и обобществлении процесса воспитания. Исходя из этих установок куклы с обликом ребенка частью педагогов отвергались, делался акцент на создании кукол «взрослого типажа», изображавших красноармейцев, рабочих, крестьян, представителей различных профессий, к которым ребенок должен был «примерить» себя, перевоплощаясь в условиях игры. Игры в таких кукол подразумевали равноправное участие мальчиков и девочек.

Результатом исследования педологами детских игровых практик должно было стать установление черт *идеальной куклы*, которая бы максимально соответствовала запросам ребенка. Такою идеальной куклу К.Н. Корнилов называл художественно-психологической, поскольку она мыслилась как продукт сотрудничества психолога-экспериментатора и специалиста-художника. Корнилов положил в основу своего исследования биографический метод, подразумевающий использование воспоминаний и анкет с опорой на труды американского психолога Стэнли Холла. Он собрал информацию от 15–16-летних московских школьниц о их опыте игры в куклы.

Корнилов шел не от государственного интереса в воспитании детей, а пытался «воссоздать образ куклы, который пленяет девочек». Обобщив их высказывания, он выразил характерные черты такой куклы:

...большая, блондинка — «с длинными вьющимися волосами, которые можно расчесывать», — «с красивым цветом лица», — «с большими голубыми закрывающимися глазами, с длинными ресницами», — «с небольшим носиком, пухленькими щечками, с аленьким чуть полуоткрытым ротиком, с мелкими жемчужными зубками», — с подвижной головой, ручками и ножками, «на которых обозначены рельефно пальчики», говорящая, «одетая в светлое платье» [Корнилов 1924: 48].

Несомненно, обозначенные качества могли назвать девочки, которым доводилось видеть подобных дореволюционных кукол. К.Н. Корнилов подчеркивал, что полученный им на основе анкетирования образ идеальной куклы лишь грубая схема, нуждающаяся в экспериментальном уточнении, после чего можно было бы перейти к работе с художником над созданием образцовой куклы [Там же: 50]. Эти наблюдения не были востребованы практикой, поскольку не соответствовали идеологической задаче дня.

В общекультурном «кукольном мотиве», представленном в прессе 1920-х годов, отчетливо звучат ноты критики не только буржуазной (с локонами, нарядно одетой, с бездушным лицом), но и народной куклы. В целом поддерживая

народные кустарные промыслы, чья продукция приносила валюту, поскольку пользовалась спросом за рубежом, советские пропагандисты пытались актуализировать ассортимент их продукции, призывая создавать из глины и дерева образы рабочих, работниц, красноармейцев и пионеров [Gasper-Hulvat 2018]. Особым нападкам подверглись стилизованные модели человека: «раболепно бьющий поклоны» ванька-кувыркач (неваляшка, ванька-встанька) и матрешка «с покорным взглядом», ассоциировавшаяся с матерью многочисленного семейства [Амесьевский 1927]. Обе игрушки не соответствовали реалистическому подходу и были уязвимы с точки зрения воплощения идеалов современности. «Пионерская правда» призывала: «Наша задача в ближайшее время — произвести революцию в производстве игрушек. Старым дореволюционным матрешкам и ванькам-встанькам нет места среди наших ребят» [Суворов 1932].

Вопрос о кукле дискутировался страстно. «Новый человек» — революционер, борец, вовлеченный в стремнину перемен, противопоставлялся мещанину, прозябающему в тиши домашнего уюта, где как раз и было место куклы. Кукла в своем традиционном облике подверглась жесткой критике. Эти споры перекликались с дебатами о сказке, которую пытались дискредитировать как средство воспитания и убрать из круга детского чтения, поскольку сказка уводила ребенка от реального мира. Так, куклы в образе Красной Шапочки и гномов оказались среди педагогически сомнительных. Утверждая принцип реализма в образе куклы, советские педагоги находили, в частности, подкрепление своим взглядам в идеях Ж. Пиаже о реализме детского восприятия и постепенном расширении такого восприятия. При этом в тени оказывались рассуждения Пиаже о детском фантазировании (см.: [Шабад 1929]). Тем не менее создатель и руководитель НИИ игр и праздников В.Г. Марц вместе с известным режиссером кукольного театра Н.И. Сац выступил в защиту кукол с обликом сказочных персонажей [Сац, Розанов 1925: 22, 33, 34; Сац 1961: 86].

Желание спроецировать на кукольный социум социальную структуру советского общества принимало подчас радикальные формы. В первые годы большевистской власти проводились эксперименты по созданию игрушек, изображающих врагов нового строя. Такие куклы создавались нарочито уродливыми и должны были вызывать отвращение детей. Евгений Шварц писал в этой связи в своем дневнике:

На всем еще лежал отпечаток голодного и холодного 18/19 года. <...> В те дни мрачные противники антропоморфизма и сказки, утверждавшие, что и без сказок ребенок с огромным трудом постигает мир, захватили ключевые позиции педагогики. Детскую литературу провозгласили они довеском к учебнику. Они отменили табуретки в детских садах, ибо таковые приучают к индивидуализму, и заменили их скамеечками. Изъяли кукол, ибо они гипертрофируют материнское чувство, и заменили их куклами, имеющими целевое назначение: например, толстыми и страшными попами, которые должны были возбуждать в детях антирелигиозные чувства. Пожилые теоретики эти были самоуверенны. Их не беспокоило, что девочки в детских садах укачивали и укладывали спать и мыли в ванночках безобразных священников, движимые слепым и неистребимым материнским инстинктом. Ведь ребенка любят не за красоту [Шварц 1952].

Как видим, кукольная игра отчетливо обозначилось как место сопротивления детей взрослой культуре и пространство собственной интерпретации ими культурных посланий.

Результатом новых приоритетов в создании куклы стало изменение «кукольного населения» страны. В рассказе директора музея игрушки при Наркомпросе Н.Д. Бартрама об одной из выставок игрушек конца 1920-х годов представлена структура нового «кукольного социума»:

В первых рядах здесь прошли красноармейцы, после чего появились пионеры и милиционер... Вслед за ними появился рабочий с молотом, торговцы «Моссельпрома», изображения крестьян и крестьянок, маленьких школьников, и изредка проскальзывает «совбарышня» с портфелем (цит. по: [Салова 2008: 116]).

Доверяя юным кукловодам модели взрослых людей, их словно торопили взрослеть, подчеркивая ответственность детей за судьбы страны.

Кукла-красноармеец, производство которой началась кустарным способом еще в условиях Гражданской войны, к концу 1920-х годов стала частью игровой атрибутики детских учреждений страны (см.: [Иоффе и др. 1930: 142]). По мере отдаления от событий Октябрьской революции и Гражданской войны модель куклы-красноармейца не исчезает, но переводится в формат «оборонной игрушки», где занимает свое место в разнообразном по составу воинстве, готовом защищать воображаемую Советскую страну. С переходом к мирной жизни культовой фигурой в организованной взрослыми детской игре становится милиционер — воплощение надзора. Фигура милиционера противопоставлялась облику полицейского и символизировала новый порядок с декларируемой заботой о простом человеке.

С возрождением семейных ценностей в конце 1920-х — начале 1930-х годов отношение к кукле решительно меняется. Поскольку идеальная женщина теперь сочетает социальные функции работницы и жены [Мазур 2015: 121], постольку кукла-ребенок вновь становится полноправным предметом в играх девочек. Показательно, что в изданной в 1927 году книге о самодельных игрушках в паре с картонажной куклой-красноармейцем, предназначенной для мальчиков, появляется кукла-пеленашка для девочек [Быковские 1927: 76—79]. Идеологическое наступление на куклу-ребенка было приостановлено, вернулось осознание ценности куклы для развития детей, правда с оговоркой, что она должна использоваться в интересах «социалистического воспитания ребенка».

В условиях НЭПа характер выпускаемых кукол в значительной мере определял производитель. Рынок был наполнен некачественными кустарными изделиями; широко использовались самодельные, сшитые в домашних условиях куклы. По мере свертывания НЭПа происходили решительные действия и на «игрушечном фронте». Закрытие по распоряжению Наркомпроса фабрики «Журавлев и Кочешков», уцелевшей с дореволюционных времен, сопровождалось уничтожением произведенных здесь фарфоровых головок кукол-«барышень» [Heinimaa et al. 2005: 22]. Это символическое событие, напоминающее древние практики уничтожения изображений врага с целью нанесения ему вреда⁵, состоялось вскоре после Первого педологического съезда (27 декабря 1927 — 3 января 1928 года), ставшего предвестником «великого перелома» в гуманитарных исследованиях. На съезде выступали с речами о задаче формирования «нового человека» Н.И. Бухарин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко. Съезд знаменовал собой определенный рубеж в развитии педологии

5 См. об использовании кукол в архаических культурах в качестве предметов-заместителей: [Морозов 2011: 86—96].

в СССР в направлении ее объединения и укрепления статуса как «официальной науки советского государства». Лидер советской педологии, председатель съезда А.Б. Залкинд, заявил о преодолении советскими педологами «длительного и глубокого идеологического кризиса» [Залкинд 1929а: 5]. На съезде были высказаны опасения в том, что на современных детей влияет не только «революционная социалистическая творческая среда», но и «отживающая, но еще достаточно сильная мелкобуржуазная стихия» [Рыбников 1928: 157]. Все вредоносные проявления этой «стихии» подлежали искоренению. Задачей дня стал перевод игрушки из «предмета коммерческой эксплуатации» в средство коммунистического воспитания «детских масс». В том же духе высказался четвертый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию, состоявшийся в декабре 1928 года. Курс на унификацию воспитательного процесса был закреплен в виде резолюции по составлению программы для детского сада, вносившей в дошкольные учреждения «элементы политического воспитания» [Салова 1998: 37—38].

От выработки правильных рефлексов к коммунистической убежденности

С началом пятилетнего планирования (1928) работа над созданием игрушек попала под более жесткий государственный контроль. Валовые объемы их производства росли быстро. В 1928/29 году, когда крупных предприятий промышленности по производству игрушек в СССР еще не существовало, мелкая и кустарная промышленность произвели игрушек на 7—8 млн рублей. В 1936 году только артелями их было выпущено на 114,5 млн рублей (см.: [Майзлер 1937]), в 1938 году общий объем произведенных игрушек оценивался в 350 млн рублей (см.: [Воронцова 1939]). При этом быстро множилось число артелей кустарей-игрушечников, которые в начале 1930-х создавали до 90% всей продукции (в 1934 году их было 111, в 1938 году уже 385).

В эти годы в системе образования СССР осуществлялся возврат от педагогических экспериментов к традиционной школьной модели, ориентированной на авторитет учителя и дисциплину. Педологи в свете задач, сформулированных профессиональным съездом в 1928 году, видели свою миссию в изучении «темпа изменчивости организма ребенка». Также в центре внимания на ближайшую перспективу оказались вопросы производственного воспитания и «трудовой эволюции» детей [Залкинд 1929б: 281—282]. В этой связи приоритетное значение получили игры, тесно связанные с темой труда и необходимые для них технические игрушки, конструкторы, детские строительные материалы. На исследования игры в куклы проецировалась политически важная задача культурной работы «над женскою массою», формирование востребованных обществом социальных ориентиров у девочек и изучение «половой типологии» ребенка в различных социальных и национальных средах [Там же: 284]. Становится актуальным производство игровой куклы, изображающей различные национальные типы детей.

Новый темп социалистического строительства требовал физически здорового человека, и это заставляло предметно заняться вопросами охраны здоровья и физической культуры трудящихся. Увязывание педагогической и оздоровительной работы закрепились в термине «педагого-гигиеническая ра-

бота». На этом фоне оттачивается подход к телу куклы как одному из многочисленных средств «техники педагогического воздействия» (А.Б. Залкинд).

В 1930 году был организован Междудементственный научно-художественный совет по игрушке и игровым материалам (включал представителей Всероссийского кооперативного промышленного совета и Наркомпроса), который должен был преодолеть разрыв между теорией игрушки и практикой ее массового производства, «коренным образом ее переделать». 14 июля 1931 года коллегия Наркомата просвещения РСФСР приняла постановление «О советской игрушке». Отмечалось, что «в деле замены старой буржуазной игрушки новой сделано чрезвычайно мало», а «попытки дать современный типаж в кукле выражаются порой в острой карикатуре на современность» [Об учебных пособиях 1931: 11–12].

В этом же году Междудементственный совет по игрушке был превращен в Методический центр по игрушке и игровым материалам при учебно-методическом секторе НКП РСФСР. На данный центр возлагались надежды на «создание подлинно советской, здоровой, политехнической игрушки» [От редакции 1931: 4]. Этой структуре вменялись в обязанность выработка новых образцов, контроль за их производством, координация деятельности заинтересованных ведомств, организация педагогически ориентированной торговли игрушками. В срочном порядке в 1932 году на базе Музея игрушки, переведенного к тому времени в Загорск, был создан Научно-экспериментальный институт игрушки [Об учебных пособиях 1931: 13–16]. С 1935 по 1939 год Институт совместно с Комитетом по игрушке при Наркомпросе РСФСР издавал журнал «Советская игрушка» (с 1937 года выходил под названием «Игрушка»), нормировавший производство и потребление игрушек.

В составе Междудементственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам, а затем Методического центра активно работала выпускница Императорского Строгановского художественно-промышленного училища, известный советский педагог, специалист по теории детской игрушки Евгения Александровна Флерина. Ее перу принадлежат «программные статьи», где четко формулируются требования к советской кукле. В 1931 году Флерина критически писала, что «современного типажа в кукле почти не находим. Если и попадается из тысячи “барышень” одна пионерка, то на ней — букли, белые завитые локоны, накрашенные губы и пр.» [Флерина 1931: 10]. Аскетизм жизни требовал создания куклы соответствующей внешности и антуража. Педагог подчеркивала, что производство мягких диванчиков для кукол, комодиков с зеркалами и цветочками, самоварчиков служит привитию старых буржуазных навыков, а не отражает новый коллективный быт. Флерина обращала особое внимание на низкое качество современной куклы, представляющей «интернациональные типы»: «Карикатурное оформление делает эту игрушку контрреволюционной. Эти куклы пугают, отталкивают, вызывают совершенно извращенные представления о разных народностях и нациях». Евгения Александровна требовала реализма в игрушке, критиковала проявления антропоморфизма: «зайцы в штанах и атласных накидках, коты в сапогах — игрушка никчемная, ненужная, вредная», она способна ввести в заблуждение ребенка, который воспринимает ее «как прямую реальность». Флерина допускала использование игрушки с обликом «отрицательных социальных типов» — буржуя или служителя культа, но обязательно выполненных в карикатурном плане, «заставляющих переживать соответствующие эмоции». При

этим она считала преждевременным давать такую игрушку дошкольнику, у которого отрицательный персонаж может превратиться в положительный («мой попик»). Призывая общественников и производителей обратить самое пристальное внимание на куклу, Флерина резюмировала: «Во многих случаях игрушка выполняет роль педагога...» [Там же: 14].

Антисоциальные типажи от советского производителя подлежали изъятию и уничтожению. Разного рода комиссии и советы по игрушке навешивали ярлыки буржуазности на кукол, отличавшихся от советского канона красоты. В 1931 году в издании научно-художественного совета по игрушке утверждалось:

Нарядная барышня-белоручка в буклях, бантах и кружевах, с напмаженными губами — игрушка с подчеркнутой мелкобуржуазной тенденцией. Такая игрушка может привить ребенку вкусы, свойственные мещанским группам населения, и поэтому должна рассматриваться как игрушка антисоциальная и антипедагогическая [Василевский 1931: 34].

Для выявления таких вредных кукол проводились комсомольские рейды на предприятия, производящие игрушки, и устраивались пропагандистские компании. Рейд ЦК ВЛКСМ, организованный в 1931 году, выявил, что до сих пор создаются «куклы нарядные, расфранченные “барышни” с завитыми волосами и кружевным бельем». То, в каком виде были представлены в предметах игры солдаты, матросы, крестьяне и рабочие, заставляло участников рейда заключить:

Такие игрушки развивают отвращение к основным социальным группам Советского Союза. Если вообще производить игрушки-куклы, то нужно производить кукол-комсомолок, пионерок, но только не то, что производится теперь [Революция требует 1931: 54].

Перелом в отношении к игре в куклы произошел в 1934 году, когда НКП утвердил Программы детского сада с четкими указаниями по этому поводу. С этого времени детские дошкольные учреждения повсеместно начинают вводить куклу в детские игры. В частности, был определен круг кукольных персонажей, с которыми следовало устраивать игру детей в зависимости от их возраста: трехлеткам рекомендовалось давать кукол крупного размера, одетых в костюмы детей; четырехлеткам тех же кукол с добавлением некоторых персонажей (в качестве примера указывались пионеры, красноармейцы и милиционеры), для игр детей более старших возрастов по мере взросления ежегодно добавлялись новые кукольные типажи (см.: [Курлова, Литвин 1936: 3]). Воспитательный процесс должен был строиться на «жгучем, ярком материале современности», а программы детских учреждений старались «полностью пропитать современностью» [Дети 1928: 3].

В условиях нарастания авторитарных тенденций в управлении научными исследованиями, на острие партийной критики оказалась педология как научное профессиональное движение, бросившее вызов устоявшимся методам исследований [Байфорд 2013: 47—49]. В процессе наступления на педологию изучение рефлексов у играющих детей было объявлено буржуазным идеализмом. Травле подверглись также те, кто изучал проявления инстинктов в игре: они обвинялись в рассмотрении этого явления без должной связи с классовой средой, в отрыве от реалий жизни детей. Исследователи ребенка играющего (проф. К.Н. Корнилов, ученик Г.И. Челпанова психолог А.А. Смирнов и др.)

обвинялись в биологизаторстве, в противовес чему утверждалось: «мы знаем, что игра ребенка насквозь социальна», а ребенка нужно рассматривать «как конкретного классового ребенка» [Бабушкин 1932: 40]. Рефлектологическая школа Корнилова была разгромлена.

В ходе беспрецедентной кампании против педологии, была подвергнута остракизму книга А.А. Смирнова «Психология ребенка и подростка» (издана в 1930 году). Критика этой книги показывает, в каких направлениях ожидалось развитие детских игровых практик. Ярость одного из оппонентов вызвала фраза Смирнова о том, что «живя в своем совершенно особом мире — мире игр, ребенок не может быть особенно близок и чуток к нашей реальной действительности». Оппонент возмущенно вопрошал: «Как это можно так клеветать на детвору, в особенности у нас, в Советской стране... где дети чуть ли не с 2—3 летнего возраста начинают по-своему понимать общественную жизнь и участвовать в ней?» [Там же: 36]. В этом обличительном тексте отчетливо обозначен партийный идеал «нового ребенка», на формирование которого и следовало направлять игровое действо:

Разве у нас нет фактов героического участия детей в гражданской войне, разве мы не знаем, как дети шли на помощь взрослым строить социализм, разве единичны случаи, когда деревенский ребенок убеждает — и не безуспешно — старика отца, деда вступить в колхоз, или мать — снять иконы [Там же: 41].

В том же духе звучали обличения в адрес Корнилова:

В результате своего исследования проф. Корнилов пришел к выводу, что кукла — главная принадлежность девочек, что материнский инстинкт находит свое естественное отражение в играх с куклой у девочек, что... при соответствующем культивировании игры в куклы можно было бы развить у девочек целый ряд ценных моральных качеств (опрятность, аккуратность, любовь к детям), словом — ряд свойств, нужных для будущих членов общества. Согласно этой теории следует, что культивировать у детей нужно только инстинкты, заложенные в них природой. Это положение в корне противоречит современной советской педагогике. Наш советский детский сад ставит своей задачей воспитание нового человека, личности с богатой творческой инициативой, борца, строителя нового коммунистического общества. Кукла, как игрушка, стимулирует социальный опыт дошкольника, отсюда и ее большая значимость и ценность [Курлова, Литвин 1936: 4].

Под социальным опытом в данном случае понималась преимущественно его общественно-политическая составляющая. Противоречили интересам воспитания «нового человека» — коллективиста и наблюдения исследователей о том, что «игре в куклы свойственен по преимуществу интимный характер» [Корнилов 1924: 45]. Активное вмешательство в процесс игры, управление ею стало общепринятым в дошкольных учреждениях и школах.

1937 год с полным основанием можно признать годом игрушки. Беспрецедентное внимание, ажиотаж управленцев вокруг этой темы, безусловно, стали откликом на принятие Конституции в 1936 году, провозгласившей построение основ социализма в СССР, а также известное высказывание Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 года) о том, что жить стало лучше и веселее. Была создана специальная комиссия по производству детской игрушки при СНК РСФСР, развернувшая активную работу. На разных уровнях звучали призывы к налаживанию производства игрушек:

Сталинская Конституция, Сталинская забота о детях создали исключительно благоприятную обстановку для воспитания наших детей в условиях светлой, радостной и зажиточной жизни. Это обязывает все фабрики, все предприятия промышленности создать высококачественную, идеологически выдержанную игрушку, от которой наши дети могли бы получить воспитание в духе советского патриотизма [Прейскурант 1938: 3].

Под эгидой правительства приступила к работе инспектура по контролю за качеством игрушки, стали создаваться художественные советы по игрушке при различных производственных отраслевых ведомствах, начала формироваться сеть специализированных магазинов, государство принялось решительно регулировать цены на игрушки, снизив их в 1937 году сразу на 11% [Прейскурант 1938: 3; 1937: 3] и т.п. Срочно верстались повышенные планы производства, расширялись старые предприятия, создавались новые. Всего по СССР в 1937 году были введены в строй или значительно расширены 32 предприятия, производящие игрушку (из них 26 — на территории РСФСР)⁶. План выпуска игрушек предусматривал рост объемов производства более чем на 50% (см.: [Майзлер 1937]). В дополнение к кукле советская промышленность должна была изготавливать предметы ее быта и гардероба. Как пишет М. Костюхина, «нарядные куклы с запасом платьев и хозяйственных предметов были призваны символизировать советское благополучие» [Костюхина 2017: 225].

Кукла должна была изображать физически крепкого, жизнерадостного ребенка, на что ориентировали художников. В конце 1936 года журнал «Советская игрушка» рапортовал: «наконец, мы получили вполне культурную, “квалифицированную” куклу. Художница М.П. Киселева сделала модели кукол-бебе. Это большие, нарядные, высокохудожественные куклы — мальчик и девочка, которые могут конкурировать с хорошими иностранными образцами. Художницей дан реалистичный образ здорового, радостного ребенка: фигура, голова и костюм четко и выразительно проработаны» [Игрушки 1936: 11]. Однако у куклы был и недостаток, не свойственный советскому человеку, — «излишняя манерность в выражении лица», который художница должна была устранить. Если плоть куклы соотносилась с телесностью советского человека, то выражение лица должно было передавать советскую одухотворенность.

Особым ориентиром для советских идеологов и производителей куклы были зарубежные достижения. Мир западной игрушки был и недостижимым идеалом, и объектом ожесточенной критики. В 1939 году газета «Советское искусство» опубликовала заметку педагога Л. Воронцовой, в которой обозначено соотношение советской и «западной» куклы. Игрушки Диснея характеризовались как идеальные по своему веселому характеру, и это следовало заимствовать, но отбор кукольных типажей нужно было осуществлять из советской действительности, многонациональной литературы и фольклора:

У нас до сих пор нет веселых игрушек, равных по популярности персонажам Диснея. А ведь в литературе всех народов имеются замечательные, любимые детьми образы, которые можно было бы отобразить в производстве кукол. Тематика народных сказок и былин дает большой простор для творчества [Воронцова 1939].

6 Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-312. Оп. 1. Д. 452. С. 33—34.

Автор проговаривается о роли Голливуда и кинематографа вообще в корректировке образа человека и куклы, создания их по модным образцам. Обесцвеченные волосы блондинок из черно-белого кино в эти годы становятся идеалом и живой женщины, и ее кукольного образа. В заметке Л. Воронцовой слышались обвинения в адрес художников и мастеров-игрушечников: «Широко распространенная у нас кукла является несколько переработанным образцом заграничных кукол второй половины XIX века» [Там же]. Что же не устраивало идеологов игрушечного мира в облике такой куклы? Л. Воронцова отвечает конкретно: «Стандартное, пустое лицо-маска».

Задача создания кукол, изображающих детей различных национальностей и рас, была решена далеко не сразу. В 1931 году методический совет по игрушке при Наркомпросе РСФСР утвердил к производству набор кукол «Детский интернационал», созданный мастером Стулевым. В набор входили четыре куклы: японка, китаец, негр, карелка [Об учебных пособиях 1931: 22]. Эти куклы по своему назначению отличались от этнографических кукол, которые служили скорее наглядным пособием при изучении географии или становились сувенирами. Они должны были вызывать симпатию к детям всех народов СССР и угнетенным детям за рубежом. Такие куклы были идеологически маркированы: атрибутом их костюма, как правило, был красный галстук. Первые опыты в этом направлении вызвали жесткую критику:

Прямо вредна «интернациональная кукла». Негры, китайцы, цыгане из тряпок, фаянса и папье-маше — карикатурны. Все эти куклы представляют собой не что иное, как злобное издевательство над национальностями других рас. Производство этих игрушек в их настоящем виде есть прямое вредительство на фронте коммунистического интернационального воспитания ребят [Зинбах 1932].

Но позитивные сдвиги на кукольном направлении этого фронта все же были: в качестве успешных отмечались модели М.П. Киселевой «Киргизенок» и стухановки Власовой (ее имя не указывалось) «Ненец на оленях»⁷. Показательно, что эти образцы отражали антропологические черты народов СССР, и, что особенно отмечалось, лица были улыбающимися, веселыми.

Созданные художниками куклы-образцы с большими трудностями осваивались массовым производством. Зачастую они выходили из фабричных цехов непохожими на оригинал. Изготовление кукольной версии нормативного советского тела сталкивалось с кадровыми и техническими сложностями, дефицитом необходимых материалов. Высокий процент брака был серьезной проблемой производства, на прилавки поступало немало дефектных кукол. Бракованная игрушка могла получить ярлык «контрреволюционной», что решало ее дальнейшую судьбу: «Сейчас игрушкой начали заниматься соответствующие организации. Они из 10 тыс. ассортимента забраковали 67,8% идеологически вредной, прямо контрреволюционной игрушки» [Суворов 1932] — сообщала «Пионерская правда» в апреле 1932 года. Целая полоса газеты вышла под заголовком-лозунгом «Прекратить производство пупсиков. Широко развернуть производство политехнической игрушки». Аргументом против кук-

7 См.: [Воронцова 1939]. Автор пишет, что тема и трактовка игрушки «Ненец на оленях» была подсказана автору ее десятилетним сыном, «который требовал, чтобы маленький ненец на оленях был веселым и улыбался: ведь так радостно идти первый раз в школу!».

лы выступало не в последнюю очередь ее низкое качество. Крупным планом давались фотографии дефектных пупсов с соответствующими подписями: «Урод с раздутым животом и косыми глазами. Это ребенок в изображении кукольной фабрики», «Другой уродец, тоже изображающий ребенка». В духе медиализации кукольных тел звучали призывы к «срочному хирургическому вмешательству» в процесс производства [Революция требует 1931]. Такие оценки отражали отношение советской культуры к телу человека: культ здоровой, спортивной телесности и нежелание видеть отклонения от принятой нормы. Инвалиды в советском обществе, в сущности, были изгоями, а в отношении куклы слово «инвалид» звучало как характеристика брака. Такая кукла вызывала раздражение, поскольку могла ассоциироваться с советским человеком. Высказывание театрального критика ярко демонстрирует маргинальный статус инвалида в изображении сценических кукол: «На сцене мы видим каких-то попрыгунчиков, инвалидов с протезами, а не положительных героев» [Белецкий 1938: 42]⁸.

1937 год, отмеченный массовыми репрессиями, был суровым и в отношении игрушек, выполненных не по государственным стандартам и требованиям. В частности, форму очередной компании приобрело изъятие из торговли и снятие с производства «кукольных уродцев». Особенно раздражали представителей власти неудачи в производстве военной игрушки, включая кукол «оборонного комплекса», в условиях растущей милитаризации страны получивших приоритетное значение.

Внешность военных кукол оценивалась на высоком государственном уровне. Так, замначальника политотдела Военной академии им. Фрунзе майор М. Московцев, вместе с маршалом СССР С. Буденным и героем Советского Союза В. Чкаловым участвовавший в выставке оборонной игрушки, организованной в столице в начале 1938 года, критически отзывался о наборах оловянных фигурок красноармейцев и куклах — пограничнике, пилоте и пехотинце:

Допущенные искажения в форме одежды, исключительно плохие фигуры, невыразительные, подчас даже тупые лица (у кукол), отсутствие выправки, подтянутости, той молодцеватости, которая так характерна для наших смелых, молодых бойцов, — совершенно нетерпимы в игрушке [Московцев 1938].

Лицу игрушечного воина придавалось особое значение. Оно должно было быть выразительным, энергичным и волевым, в противовес графаретным кукольным личикам. Этому идеалу соответствовало лицо куклы «Пограничник», производство которой было освоено артелью «Художественная игрушка» в 1937 году. Особенно удачными признавались лица, выполненные из более темного трикотажа, «хорошо передающего бронзовый загар закаленного бойца» [Новинки 1937]. Задача усовершенствования кукол, создания механизмов, позволяющих производить фигурки с закрывающимися глазами, неожиданным образом задела интересы «оборонной игрушки»: такая кукла не поддерживала идеал бдительного, не спящего воина, днем и ночью стерегущего «покой страны». Выразительность фарфоровых глаз, производившихся из отходов, также была принципиально важна при создании лица зоркого пограничника.

8 Речь идет о спектаклях «Граница» Преображенского, «Зеленая фуражка» Немковского, «Особый эскадрон» Мерзлякова.

Судя по тому вниманию, которое уделялось в конце 1930-х годов наделенными властью людьми военной кукле, она оставалась в авангарде игрушечного аналога советского общества. Актуальной в предвоенное десятилетие становится также модель человека как создателя нового мира, новой страны. Советская кукла принимает образы летчиков, участников экспедиций на Северный полюс. При этом не учитывались рассуждения педагогов, уверенных в том, что обычная кукла, способная выполнять множество ролей, дает гораздо больше свободы детской фантазии, чем кукла определенной профессии [С.Р. 1927: 3].

В целом же советская легкая промышленность в 1920—1930-х годах производила ограниченное количество кукольных типажей. Их более широкое видовое разнообразие достигалось за счет одежды и аксессуаров. Поскольку производственники испытывали большие трудности в изготовлении кукол со взрослыми фигурами и лицами, за выполнение планов производства «оборонной куклы» приходилось отчитываться пухлыми пупсами, одетыми в форму красноармейцев. Одна и та же кукла, по-разному одетая производителем, могла поступить в торговую сеть и как «пупсик», и как «красноармеец». То есть одно и то же кукольное тело (и лицо) под покровом (и на фоне) новой одежды должно было обрести для ребенка новый смысл. Эта ситуация перекликалась с положением дел на кукольном рынке Германии периода Первой мировой войны или США в годы Второй мировой, когда резко возросший спрос на военную куклу поначалу также удовлетворялся за счет переодевания в промышленных масштабах «мирной куклы» [Hoffmann 1997; Peers 2008: 29].

Применительно к кукле «оборонной» один вопрос, уже решенный педагогом в отношении куклы «обычной», оказался камнем преткновения. Если одевать и раздевать бесполок пупсов во время игры признавалось нормой и даже поощрялось (чем, как считалось, прививались гигиенические привычки и навыки), то педагогические основания для таких манипуляций с куклой-военным и куклой-милиционером отыскать было сложно. Тем не менее компромиссное решение нашлось: верхняя одежда могла сниматься, а нижнее белье пришивалось к телу, чтобы не допустить игры ребенка с обнаженным «представителем власти».

Е.А. Флерина так сформулировала требования к куклам «взрослых, советских типажей»:

- а) они не должны быть раздевающимися (снимать можно лишь платье);
- б) они должны обладать хорошей устойчивостью;
- в) подвижность, динамика этих кукол должны обеспечить основные характерные позы, соответствующие образу;
- г) большое внимание должно быть уделено снимающимся и одевающимся добавочным атрибутам, например для красноармейца — кобура с поясом, винтовка; к зимней одежде — лыжи и т.д.;
- д) лица должны быть сделаны особенно художественно и тщательно, должны соответствовать его реальному образу, обобщая в нем его лучшие, выразительные черты [Флерина 1938].

Для достижения новых целей следовало не только откорректировать внешность куклы, но и перестроить практики игры с ней. Шельмование педологов и фактический запрет на комплексные исследования ребенка и детства привели к деградации педагогики как науки. Игра в куклы прямо или косвенно все более регламентировалась, подчиняясь актуальным политико-идеологи-

ческим задачам. Направление игры задавали уже сами по себе рекомендованные для использования в детских садах варианты кукол: рабочий, работница, пекарь, мальчик, девочка, пионер, пионерка, красноармеец, командир, санитарка, колхозник, колхозница, куклы-дети в детском саду, лыжник, ненец, узбек, китаец, индеец, татарка⁹.

В игровом пространстве детских учреждений воспитатель выступал как организатор игры в куклы, корректировал ее ход, подсказывал, направлял развитие сюжета. Свободная игра в куклы в детских садах практически отсутствовала, поскольку куклы вносились только в отведенное время, а затем их убирали, аргументируя тем, что бесконтрольная игра легко может перерасти в формат изображения пьянки, склоки или драки [Курлова, Литвин 1936: 37].

В педагогической практике поощрялось натаскивание детей на актуальные политические темы. 6—7-летние дети представлены в характеристиках воспитателей Свердловского областного детского сада им. Ленина как политически грамотные и хорошо информированные об общественной жизни страны. Педагоги предлагали им игры с развернутым сюжетом: «Красная армия на маневрах», «Лыжный пробег Свердловск — Москва и на Север», «Колхоз» и т.п. В ходе лыжного пробега дети организовали проводы куклы-делегатки на съезд в Свердловск, куклы также выступали с речами по маршруту пробега [Там же: 25].

Педагоги утверждали, что через подобные игры дети познают социальную реальность. Например, в финале игры в колхоз воспитанник детского сада Петя — «председатель колхоза», обращаясь к куклам говорил: «Вы устали, колхозники, сегодня у нас много работы было, кушайте досыта. Поработали хорошо, так пойдем теперь в театр» [Там же: 47].

Показательно, что в своих выводах по результатам изучения игр в куклы свердловские педагоги сделали акцент на значении таких игр для включения детей в общественную жизнь:

Через куклу закрепляется любовь ко всему нашему: к нашим фабрикам, к заводам, к красноармейцам, к пионерам, к рабочим, к колхозникам. ...дети эмоционально закрепляют, уточняют свои симпатии и антипатии. С какой злобой замечает семилетний Вова неповоротливому Донату — разрушителю его кропотливой постройки: «У, вредитель, мы строим, а ты разрушаешь». С какой готовностью и силой звучат детские возгласы, раздающиеся с трибуны (при игре «пионеры на трибуне речи говорят»):

«Войны мы не хотим, но в бой готовы!»

«Да здравствует наш вождь, великий Сталин!»

«Да здравствует Красная Армия, наша защита!»

Дети восторженно подхватывают эти слова и демонстрируют со своими куклами [Там же: 29—30].

Педагоги хорошо понимали, насколько важна сила эмоции, которую вызывает кукла, для достижения нужного результата в воспитании «общественно активного человека». Копирование детьми в игре с куклами речевых советских штампов, подражание одобренным шаблонам поведения, использование политических ярлыков приветствовалось педагогами и тиражировалось в печати как «обобщение передового опыта».

9 На основе приложения к методическому пособию: [Курлова, Литвин 1936].

В ходе игр-драматизаций, подразумевавших наличие противника, возникла проблема: никто не хотел играть роль врага — будь то диверсант, шпион или солдат. Взрослые давали свой рецепт решения проблемы: диверсантом, притаившимся в кустах, по их мнению, могла быть лопоухая обезьянка, «которую дети не любят», или плюшевый мишка. Их «ожидала одна и та же участь: быть разоблаченными, разгромленными, уничтоженными» [Давыдова 1938]. Аналогичный рецепт содержало описание игры для младших детей, моделирующей вступление Красной армии в Польшу. Журнал «Игрушка» предлагал педагогам всей страны использовать опыт Московского городского дома пионеров, где дети под руководством воспитателя создали игру «Встреча Красной армии с детьми Западной Белоруссии и Западной Украины»:

Вытащили столик, окружили его деревьями. Это будет дом помещика. А где же помещики? Девочки притащили кукол:

— Потерпите, пожалуйста: сегодня вы будете панями.

Одной кукле надели цилиндр и пелерину. Она должна была изображать толстого помещика. Другую куклу нарядили в капор, — это помещица-злюка, обижающая крестьян.

— Подожди, мы тебя победим! Наша Красная армия сильная!

Рядом с домом построили костел из строительного материала, в окошечки посадили кукол, польских офицеров, поставили две пушки.

По дороге к усадьбе устроили мост. Командиром единогласно была избрана Рая. Ребята взяли ружья, гранаты (детали строительного материала).

— Отряды, построиться! — скомандовала Рая. — Товарищи бойцы! Идем освобождать наших братьев белорусов и украинцев, тех, которые живут в Польше. Паны и помещики заставляли их работать на себя, а им ничего не давали. Они голодали, у них не было колхозов, у них нет даже своих школ. Вперед, бойцы, за родину, за Сталина! [Панова 1939].

В угоду идеологическим целям приносились в жертву чувства детей: им предстояло предать любимых кукол, которые по воле педагогов перевоплощались в образы помещиков, буржуев, вражеских офицеров. Аналогичные интенции содержат и рисунки в детских изданиях, где мальчики изображены целящимися из игрушечных винтовок то в котенка, то в плюшевого мишку. В таких посланиях взрослым детям откровенно проявлялось отступление от норм гуманистической педагогики.

Проекция советских социальных отношений на мир кукол: литературные версии

Дискурс о куклах в советской литературе приобрел характер, резко отличающийся от дореволюционного. Практически исчезли популярные в XIX — начале XX веков тексты в формате «записок», «дневников» и «переписки» кукол [Костюхина 2017], поскольку проявления индивидуальности в игровом пространстве старались вытеснить коллективистскими идеалами. Мир кукол рассматривался как модель советского общества, его реалий, что получило свое осмысление в художественно-литературной форме.

Игрушки в советской детской литературе переживают те же трудности, что и люди: они ведут Гражданскую войну; участвуют в классовых битвах мирного

времени; строят Советскую страну, куда мечтают попасть куклы из других стран. Останемся на нескольких произведениях для детей, ярко отражающих актуальные социальные контексты, в которых действуют куклы — любимые и одухотворяемые детьми объекты, поставленные взрослыми на службу идеологии.

Ю.К. Олеша в сказке «Три толстяка» (1924), пронизанной аллегориями и аллюзиями, дал сложный образ куклы, который может прочитываться как архетипический. Трех толстяков, — угнетателей рабочего люда, повстанцам удается победить с помощью девочки Суок, которая то уподобляется своему двойнику кукле, то изображает ожившую куклу. Ребенок-кукла наделяется Олешей базовой чертой, формируемой пропагандой у советских детей: смелостью и «социально верным» поведением — готовностью к самопожертвованию. Суок, как живая девочка, рискует своей жизнью, но, с другой стороны, этот риск смягчен тем, что становясь куклой, она подлежит ремонту, а значит, может рассчитывать на физическое бессмертие. Девочка, подобная хрупкой кукле, соответствует советской концепции ребенка, идущего в авангарде социума, — более ловкого, быстрого и сообразительного, чем взрослые, готового к самопожертвованию в борьбе «за счастье народа».

Н.Я. Агнивцев представил в своей книге «Война игрушек» (1925) социум, расколотый военным противостоянием, где идет кровавый бой деревянных и тряпичных созданий. Кукольный «простой народ» — «Ваньки-Встаньки» и «Матрешки», а также полк оловянных солдатиков — живут в детской. Они с доверием относятся к вновь прибывшим заграничным «благородным», дорогим игрушкам, но те отвечают им презрением. Тогда обиженные хозяева встают под красные знамена и объявляют войну иностранцам. Начинается сражение с заграничными (белыми) игрушками — наших, простых «Ванюшек и Матрешек и солдатиков немножко» — за равенство всех, ибо «пробил час революции!». Матрешки и Ванюшки припоминают богатым «белым» игрушкам все свои прежние обиды: «Мы страдали / И терпели, / Голодали / И потели!» [Агнивцев 1925: 8].

Игрушки-враги, игрушки-господа прекрасно вооружены и поначалу одерживают победы на кукольном фронте, но в конце концов их побеждает смекаливый Иван, загоняя «эту рать и эту знать под кровать». После завершения войны Матрешки и Ваньки впервые оказались на свободе и «закружились в хороводе», а оловянные солдаты отправились на парад. Иллюстратор книги Семен Малют в центре финальной страницы изобразил хоровод счастливого кукольного народа, а по ее периметру выстроил солдат с винтовками и пушками наизготовку. В этом изображении — образ счастливой свободной страны, надежно защищенной армией от врагов.

Актуальная для 1920-х годов модель человека-революционера, разрушителя старого мира, перенесенная в мир кукол, нашла отражение в детской литературе эпохи диктатуры пролетариата. Проекция на мир кукол классовых сражений, большевистского общественного устройства, новых этических и эстетических канонов были с потрясающей прямолинейностью представлены в сказке Александра Неверова «Как жили куклы и что сделал оловянный солдатик» (1924; 2-е изд. — 1925). Автор рассказывал детям о том, как солдатик-часовой Панфилов навел порядок в кукольном микросоциуме. Он в союзе с куклой-работницей простушкой Марфой разделался с куклами-белоручками и модницами Кларочкой и Зиночкой, заставлявшими Марфу трудиться для

них. Солдатик Панфилов объяснил Марфе, что она может быть такой же красивой, как ее обидчицы, и предложил расправиться с ними по красноармейскому рецепту:

Будет нашим барышням сидеть на мягких подушечках, пусть и они поваяются в темном углу. Бери сейчас Зиночку и выкидывай из тележки. Тележку не ломай и платье не рви, оно пригодится тебе. Сам я выкину Кларочку. Они, наверное, драться полезут на нас — не бойся! Если руками не осилим — я из ружья могу выстрелить! Тут не обойдешься без крови, ничего не поделаешь... [Неверов 1924: 16–18].

Когда обездвиженные с помощью подвязок от марфушиных чулок куклы уже валялись в углу, Марфуша угостила Панфилова оставшимся в хозяйкиной чашке недопитым кофе. В финале сказки Панфилов построил плененных кукол и, вскинув на плечо ружье, громко зашел: «Смело, товарищи, в ногу!» Рассмотренные книги показывают, что советская интеллигенция спешила передать детям идеи нового миропорядка, а кукольный социум был для этих целей хорошим наглядным пособием.

И еще один показательный пример переноса социальных явлений на сказочный мир «живых кукол» дает книга Е.Я. Данько «Побежденный Карабас» (1941; журнальная версия — 1938). Она написана уже в условиях «победившего социализма» как продолжение сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого. В основе сюжета — мечты детей из других стран, а также живых кукол Папы Карло из тарабарской страны, попасть в страну счастья — СССР, где все лучшее принадлежит детям. Куклам это удастся, а преследующие их Карабас (воплощение капиталиста-эксплуататора) и его секретарь — двуличная Лиса разоблачаются в СССР пионерами и милицией (в задержании Лисы участвует также хорошо распознающая шпионов овчарка) и выдворяются за пределы страны (см.: [Данько 1941]). Книга полна пропагандистских штампов, а образы кукол используются как средство адаптации для детского понимания политически актуальных тем и сюжетов.

В советское время антропоморфный образ куклы стал предметом государственного идеологического интереса, поскольку виделся средством формирования «нового ребенка». Если в западных дискурсивных практиках между Первой и Второй мировыми войнами доминировала функция куклы, направлявшая девочек на путь правильного материнства и современного понимания гигиены и заботы о ребенке [Peers 2008: 36], то в СССР за два межвоенных десятилетия официальное отношение к кукле прошло путь от авангардистской попытки уравнивать с ее помощью мальчиков и девочек в игре, вытеснить куклу-ребенка взрослыми типажам до возвращения к практикам игр в дочки-матери, в которых кукла-ребенок была восстановлена в своих правах. Меняющийся состав «кукольного населения страны» в определенной мере отражал изменения идеала человека в большевистской идеологии.

В 1920-х годах сосуществовали разновекторные подходы к использованию куклы в детской игре. С конца десятилетия и особенно в 1930-х годах, в условиях нараставшего государственного контроля по отношению к игровому пространству детей, в кукольном производстве возобладали принципы не только реализма, но соцреализма, основанного на идее преобразования действительности, сформировался четкий канон внешнего облика куклы, были сформулированы определенные требования к игровым практикам. Кукла должна была стать воплощением лучших черт «советского человека» и «советского ребенка». Она

уже не могла оставаться прежним предметом детской игры-импровизации, ее следовало всецело подчинить воспитательным целям.

«Практическое обслуживание социализма» на рубеже десятилетий становится девизом педагогических исследований [Залкинд 1929б: 285], оно распространяется и на отношение к кукле. Кукла была выведена за пределы детских комнат и потаенных мест в коллективные подконтрольные государству детские локусы — дошкольные и школьные учреждения, детские дома и пионерские лагеря. В игровом пространстве этих учреждений диалог взрослых с ребенком происходил все реже. Именно там кукла становилась предметом управляемой взрослыми игры. Но в приватной сфере любимая игрушка, без сомнения, жила более многообразной жизнью, вне идеологизированных канон и навязанных клише.

С помощью куклы ее создатели пытались транслировать идеологемы о физически и духовно здоровом советском человеке: физическое здоровье передавалось через форму тела, его пропорции, а нравственное — через выражение лица, его «одухотворенность». Букли, напмаженные губы, отведенные в сторону глаза, кружева в одежде воспринимались как черты «буржуазности», порока, чрезмерного внимания к внешности. Открытая улыбка, прямой взгляд, отсутствие лукавства и кокетства в выражении лица, а у кукол-военных — волевые и мужественные черты — таковы искомые характеристики облика советской куклы. Воплощение этих черт в кукольной модели «нового человека» сталкивалось в процессе производства порой с непреодолимыми технологическими трудностями. Тем не менее кукла — уподобление идеалу советского человека — представляла собой знаково-символическую инструкцию для самоидентификации играющего ребенка, культурное послание взрослым детям. Таким образом, через куклу уточнялось отношение к биологическому телу, а кукольная репрезентация советского человека стала одной из стратегий помещения тела в социальное пространство и его определения, способом проектирования идентичности.

Библиография / References

- [Агнивцев 1925] — *Агнивцев Н.Я.* Война игрушек. М.; Рязань: Друзья детей, 1925.
(*Agnivcev N.Ya.* Voyna igrushek. Moscow; Ryazan, 1925.)
- [Амесьевский 1927] — *Амесьевский А.* Игрушка в политике и революции // Кустарь-кооператор. 1927. № 3. С. 7—8.
(*Ames'evskij A.* Igrushka v politike i revolyutsii // Kustar'-kooperator. 1927. № 3. P. 7—8.)
- [Антонов 1924] — *Антонов А.Н.* Игра в куклы и ее общественное значение // Педологический журнал. 1924. № 3. С. 1—27.
(*Antonov A.N.* Igra v kukly i ee obschestvennoe znachenie // Pedologicheskij zhurnal. 1924. № 3. P. 1—27.)
- [Бабушкин 1932] — *Бабушкин А.Л.* Эклектика и реакционная клевета на советского ребенка и подростка. «О психологии ребенка и подростка» А.А. Смирнова // Педология. 1932. № 1—2. С. 35—41.
(*Babushkin A.P.* Eklektika i reaktсионnaya kleveta na sovetskogo rebenka i podrostka. "O psikhologii rebenka i podrostka" A.A. Smirnova // Pedologiya. 1932. № 1—2. P. 35—41.)
- [Байфорд 2013] — *Байфорд Э.* Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики // Преподаватель XXI век. 2013. № 1. С. 43—54.

- (Byford A. Zagrobnaia zhizn' "nauki" pedagogii: k voprosu o znachenii "nauchnykh dvizhenii" (i ikh istorii) dlya sovremennoy pedagogiki // *Prepodavatel' XXI vek*. 2013. № 1. P. 43—54.)
- [Белецкий 1938] — *Белецкий И.* О кукольной драматургии // *Детская литература*. 1938. № 5. С. 41—43.
- (*Beleckij I.* O kukol'noy dramaturgii // *Detskaya literatura*. 1938. № 5. P. 41—43.)
- [Богданов 2007] — *Богданов К.А.* Право на сон и условные рефлексy: колыбельные песни в советской культуре (1930—1950-е годы) // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 4 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2007/4/pravo-na-son-i-uslovnye-refleksy-kolybelnye-pesni-v-sovetskoj-kulture-1930-1950-e-gody.html> (дата обращения: 06.04.2023)).
- (*Bogdanov K.A.* Pravo na son i uslovnye refleksy: kolybel'nye pesni v sovetskoj kul'ture (1930—1950-e gody) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. № 4 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2007/4/pravo-na-son-i-uslovnye-refleksy-kolybelnye-pesni-v-sovetskoj-kulture-1930-1950-e-gody.html> (accessed: 27.06.2019)).)
- [Быковские 1927] — *Быковские Е. и М.* Картонажные игрушки своими руками. Новая детская библиотека. Серия «Своими руками» / Под ред. Н. Бартрама. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- (*Bykovskie E. and M.* Kartonazhnye igrushki svoimi rukami. Novaya detskaya biblioteka. Seriya "Svoimi rukami" / Ed. by N. Bartram. Moscow; Leningrad, 1927.)
- [Василевский 1931] — *Василевский И.И.* Игрушечный промысел в системе промкооперации // *Советская игрушка: Сборник Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам Всекопромсовета и Государственного музея игрушки*. Вып. 1. М.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во, 1931. С. 34—38.
- (*Vasilevskij I.I.* Igrushechnyy promysel v sisteme promkooperacii // *Sovetskaya igrushka: Sbornik Mezhdovedomstvennogo nauchno-khudozhestvennogo soveta po igrushke i igrovym materialam Vsekopromsoвета i Gosudarstvennogo muzeya igrushki*. Iss. 1. Moscow, 1931. P. 34—38.)
- [Воронцова 1939] — *Воронцова Л.* Советская кукла // *Советское искусство*. 1939. 8 января. С. 3.
- (*Voroncova L.* Sovetskaya kukla // *Sovetskoe iskusstvo*. 1939. January 8. P. 3.)
- [Гаврилова 2013] — *Гаврилова М.В.* Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920—1930-е гг.) // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 130—175.
- (*Gavrilova M.V.* Transformatsiya traditsionnykh russkikh igr v sovetskoj pedagogike (1920—1930-e gg.) // *Antropologicheskij forum*. 2013. № 19. P. 130—175.)
- [Геллер 1994] — *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
- (*Geller M.* Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka. Moscow, 1994.)
- [Грэхэм 1991] — *Грэхэм Л.Р.* Естественное, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.Д. Ахундова, В.Н. Игнатьева. М.: Политиздат, 1991 (https://scepsis.net/library/id_852.html (дата обращения: 28.03.2023)).
- (*Graham L.R.* Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. Moscow, 1991 (https://scepsis.net/library/id_852.html (accessed: 28.03.2023)). — In Russ.)
- [Давыдова 1938] — *Давыдова А.* Пограничники // *Игрушка*. 1938. № 2. С. 12—13.
- (*Davydova A.* Pogranichniki // *Igrushka*. 1938. № 2. P. 12—13.)
- [Данько 1941] — *Данько Е.* Победенный Карabas / Рис. В. Конашевича. М.; Л.: Дет. изд-во, 1941.
- (*Dan'ko E.* Pobezhdenny Karabas / Drw. by V. Konashевич. Moscow; Leningrad, 1941.)
- [Дети 1928] — Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника: [Сборник статей] / Под ред. и с предисл. В.Н. Шульгина. М.: Работник просвещения, 1928.
- (*Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya. Ideologiya sovetskogo shkol'nika: [Sbornik statey]* / Ed. and introd. by V.N. Shul'gin. Moscow, 1928.)
- [Залкинд 1929а] — *Залкинд А.Б.* Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929.
- (*Zalkind A.B.* Pedologiya v SSSR. Moscow, 1929.)
- [Залкинд 1929б] — *Залкинд А.Б.* Основы пятилетнего плана по научно-исследовательской педологической работе // *Педология. Орган центральной межведомственной педологической комиссии*. Вып. 3. С. 273—314.
- (*Zalkind A.B.* Osnovy pyatiletnego plana po nauchno-issledovatel'skoj pedologicheskoy rabote // *Pedologiya. Organ tsentral'noy mezhdovedomstvennoy pedologicheskoy komissii*. 1929. Iss. 3. P. 273—314.)
- [Зинбах 1932] — *Зинбах.* Разве зайцы носят платье? // *Пионерская правда*. 1932. 1 апреля. С. 3.
- (*Zinbah.* Razve zaytsy nosyat plat'e? // *Pionerskaya pravda*. 1932. April 1. P. 3.)
- [Игрушки 1936] — *Игрушки хорошего качества* // *Советская игрушка*. 1936. № 12. С. 10—12.

- (Igrushki khoroshego kachestva // Sovetskaya igrushka. 1936. № 12. P. 10—12.)
- [Корнилов 1924] — *Корнилов К.* К психологии детской игры в куклы // Ребенок и игрушка. Сб. статей / Под ред. Н.А. Рыбникова. 2-е изд. М.: Госиздат, 1924. С. 36—50.
- (*Kornilov K.* K psikhologii detskoj igry v kukly // Rebenok i igrushka. Sb. statej / Ed. by N.A. Rybnikov. 2nd ed. Moscow, 1924. P. 36—50.)
- [Костюхина 2008] — *Костюхина М.* Игрушка в детской литературе. СПб.: Алетейя, 2008.
- (*Kostiukhina M.* Igrushka v detskoj literature. Saint Petersburg, 2008.)
- [Костюхина 2017] — *Костюхина М.* Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII — начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (*Kostyuhina M.* Zapiski kukly. Modnoe vospitanie v literature dlya devits kontsa XVIII — nachala XX veka. Moscow, 2017.)
- [Курлова, Литвин 1936] — *Курлова Л.Н., Литвин Ф.С.* Игра с куклой. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1936.
- (*Kurlova L.N., Litvin F.S.* Igra s kukloy. Sverdlovsk, 1936.)
- [Лотман 1992] — *Лотман Ю.М.* Куклы в системе культуры. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992.
- (*Lotman Yu.M.* Kukly v sisteme kul'tury. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1. Tallinn, 1992.)
- [Луначарский 1918] — *Луначарский А.В.* Вместо введения // Игра: Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Ч. 1. № 1. Пг.; М.: Изд. театрального отдела Наркомпроса, 1918. С. 1—4.
- (*Lunacharsky A.V.* Vmesto vvedeniya // Igra: Nepriodicheskoe izdanie, posvyaschennoe vospitaniju posredstvom igry. Pt. 1. № 1. Petrograd; Moscow, 1918. P. 1—4.)
- [Майзлер 1937] — *Майзлер Ф.Е.* Памятка продавцу игрушек. М.: Госторгиздат, 1937.
- (*Majzler F.E.* Pamyatka prodavtsu igrushek. Moscow, 1937.)
- [Мазур 2015] — *Мазур Л.Н.* История ранне-советской семьи: проблемы типологии // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 115—125.
- (*Mazur L.N.* Istoriya rannesovetskoy sem'i: problemy tipologii // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Ekaterinburg, 2015. Iss. 15. P. 115—125.)
- [Иоффе и др. 1930] — Метод целевых заданий в советском детском саду: труды объединенной комиссии Педстудии НКП и Кабинета по дошкольному воспитанию МОНО под руководством Н.М. Шульмана / Под ред. Л.Э. Иоффе, Р.Э. Орловой, Ц.М. Раппо, Н.М. Шульмана. М.: Работник просвещения, 1930.
- (Metod tselevykh zadaniy v sovetskom detskom sadu: trudy ob"edinennoy komissii Pedstudii NKП i Kabineta po doshkol'nomu vospitaniju MONO pod rukovodstvom N.M. Shul'mana / Ed. by L.E. Ioffe, R.E. Orlova, C.M. Rappo, N.M. Shul'man. Moscow, 1930.)
- [Морозов 2011] — *Морозов И.А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011.
- (*Morozov I.A.* Fenomen kukly v traditsionnoj i sovremennoj kul'ture. Krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma. Moscow, 2011.)
- [Московцев 1938] — *Московцев М.* Почетный долг игрушечников // Игрушка. 1938. № 2. С. 11.
- (*Moskovcev M.* Pochetnyy dolg igrushechnikov // Igrushka. 1938. № 2. P. 11.)
- [Неверов 1924] — *Неверов А.С.* Как жили куклы и что сделал оловянный солдатик. М.: Изд. Г.Ф. Мириманова, 1924.
- (*Neverov A.S.* Kak zhili kukly i chto sdelał olovyannyj soldatik. Moscow, 1924.)
- [Новинки 1937] — Новинки // Игрушка. 1937. № 10. С. 30.
- (*Novinki // Igrushka.* 1937. № 10. P. 30.)
- [Об учебных пособиях 1931] — Об учебных пособиях, учебном оборудовании и о советской игрушке. Постановления Коллегии НКП РСФСР от 13—14 июля 1931 г. М.: Наркомпрос РСФСР; Л.: Огиз. гос. учеб.-пед. изд-во, 1931.
- (Ob uchebnykh posobiyakh, uchebnoy oborudovaniy i o sovetskoy igrushke. Postanovleniya Kollegii NKП RSFSR ot 13—14 iyulya 1931 g. Moscow; Leningrad, 1931.)
- [Оршанский 1912] — *Оршанский Л.* Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России // Игрушка. Ее история и значение. Сб. статей / Под ред. Н.Д. Бартрама. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 3—64.
- (*Orshanskij L.* Istoricheskiy ocherk razvitiya igrushek i igrushechnogo proizvodstva na Zapade i v Rossii // Igrushka. Ee istoriya i znachenie. Sb. statej / Ed. by N.D. Bartram. Moscow, 1912. P. 3—64.)
- [Осипова 1928] — *Осипова В.Н.* Школа В.М. Бехтерева и педология // Педология. Журнал психологии, педологии и психотехники. 1928. Кн. 1. С. 10—26.
- (*Osipova V.N.* Shkola V.M. Bekhtereva i pedologiya // Pedologiya. Zhurnal psikhologii, pedologii i psikhotehniki. 1928. Bk. 1. P. 10—26.)

- [От редакции 1931] — От редакции // Советская игрушка: Сборник Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам Всесоюзного совета и Государственного музея игрушки. Вып. 1. М.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во, 1931. С. 3—5.
- (Ot redaktsii // Sovetskaya igrushka: Sbornik Mezhdovedomstvennogo nauchno-khudozhestvennogo soveta po igrushke i igrovym materialam Vsekopromsoвета i Gosudarstvennogo muzeу igrushki. Iss. 1. Moscow, 1931. P. 3—5.)
- [Панова 1939] — *Панова Н.* Военные игры октября // Игрушка. 1939. № 11—12. С. 20. (*Panova N. Voennye igry oktyabrya // Igrushka. 1939. № 11—12. P. 20.*)
- [Прейскурант 1937] — Прейскурант отпускных цен на игрушки системы промкооперации, кооперации инвалидов и различных общественных организаций Московской области с 1-го июля 1937 года. М.: Мособлвнутриорг, 1937.
- (Preyskurant otpusknykh tsen na igrushki sistemy promkooperatsii, kooperatsii invalidov i razlichnykh obschestvennykh organizatsiy Moskovskoy oblasti s 1-go iyulya 1937 goda. Moscow, 1937.)
- [Прейскурант 1938] — Прейскурант отпускных и розничных цен на детские игрушки. Киев: Управление книгокультуры, 1938.
- (Preyskurant otpusknykh i roznichnykh tsen na detskie igrushki. Kiev, 1938.)
- [Радина-Корнильева, Радин 1927] — *Радина-Корнильева М.А., Радин Е.П.* Новым детям новые игры: Подвижные игры школьного и внешкольного возрастов от 7 до 18 лет в рефлексологическом и педологическом освещении. 3-е изд. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927.
- (*Radina-Kornil'eva M.A., Radin E.P. Novym detyam novye igry: Podvizhnye igry shkol'nogo i vneshkol'nogo vozrastov ot 7 do 18 let v refleksologicheskom i pedologicheskom osveschenii. 3rd ed. Moscow, 1927.*)
- [Революция требует 1931] — Революция требует новых игрушек (Из итогов обследования игрушечной промышленности бригадой ЦК ВЛКСМ) // Советская игрушка: Сборник Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам Всесоюзного совета и Государственного музея игрушки. Вып. 1. М.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во, 1931. С. 53—55.
- (Revolutsiya trebuyet novykh igrushek (Iz itogov ob sledovaniya igrushechnoy promyshlennosti brigadoy TsK VLKSM) // Sovetskaya igrushka: Sbornik Mezhdovedomstvennogo nauchno-khudozhestvennogo soveta po igrushke i igrovym materialam Vsekopromsoвета i Gosudarstvennogo muzeу igrushki. Iss. 1. Moscow, 1931. P. 53—55.)
- [Рыбников 1924а] — Комиссия по детским игрушкам Центрального Педологического Института // Ребенок и игрушка. Сб. статей / Под ред. Н.А. Рыбникова. 2-е изд. М.: Госиздат, 1924. С. 3—6.
- (Komissiya po detskim igrushkam Tsentral'nogo Pedologicheskogo Instituta // Rebenok i igrushka. Sb. statey / Ed. by N.A. Rybnikov. 2nd ed. Moscow, 1924. P. 3—6.)
- [Рыбников 1924б] — О постоянной выставке игрушек // Ребенок и игрушка. Сб. статей / Под ред. Н.А. Рыбникова. 2-е изд. М.: Госиздат, 1924. С. 74—77.
- (O postoyannoy vystavke igrushek // Rebenok i igrushka. Sb. statey / Ed. by N.A. Rybnikov. 2nd ed. Moscow, 1924. P. 74—77.)
- [Рыбников 1928] — *Рыбников Н.А.* Идеология современного школьника // Педология. Журнал психологии, педологии и психотехники. 1928. Кн. 1. С. 150—158. (*Rybnikov N.A. Ideologiya sovremennogo shkol'nika // Pedologiya. Zhurnal psikhologii, pedologii i psihotekhniki. 1928. Kn. 1. P. 150—158.*)
- [Салова 1998] — *Салова Ю.Г.* «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы: учеб. пособие. Ярославль: М-во общ. и проф. образования РФ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 1998.
- (*Salova Yu.G. "Novyyu chelovek": vzglyad na problemu v 1920-e gody: ucheb. posobie. Yaroslavl, 1998.*)
- [Салова 2008] — *Салова Ю.Г.* Игровое пространство советского ребенка-дошкольника в 1920-е годы // Какорея. Из истории детства в России и других странах. Сборник статей и материалов / Сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь, 2008. С. 114—123.
- (*Salova Yu.G. Igrovoe prostranstvo sovetskogo rebenka-doshkol'nika v 1920-e gody // Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugih stranakh. Sbornik statey i materialov / Comp. by G.V. Makarevich. Moscow; Tver, 2008. P. 114—123.*)
- [Сальникова 2007] — *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007.
- (*Sal'nikova A.A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. Kazan, 2007.*)
- [Сальникова, Хамитова 2013] — *Сальникова А.А., Хамитова Ж.А.* Журнал «Советская игрушка» как источник по истории советского детства 1930-х годов //

- Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 200—211.
- (*Sal'nikova A.A., Hamitova Zh.A.* Zhurnal "Sovetskaya igrushka" kak istochnik po istorii sovetskogo detstva 1930-kh godov // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2013. Vol. 155. Bk. 3. Pt. 1. P. 200—211.)
- [Сац 1961] — *Сац Н.И.* Дети приходят в театр. М.: Искусство, 1961.
- (*Sac N.I.* Deti prikhodyat v teatr. Moscow, 1961.)
- [Сац, Розанов 1925] — *Сац Н., Розанов С.* Театр для детей. Л.: Изд-во Сев.-зап. отд. Гл. конторы «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», 1925.
- (*Sac N., Rozanov S.* Teatr dlya detey. Leningrad, 1925.)
- [С.Р. 1927] — *С.Р.* Можно ли давать ребенку куклу в качестве игрушки // Женский журнал. 1927. № 12. С. 3—4.
- (*S.R.* Mozhno li davat' rebenku kuklu v kachestve igrushki // Zhenskiy zhurnal. 1927. № 12. P. 3—4.)
- [Суворов 1932] — *Суворов А.* Вместо меккано... банки для гуталина // Пионерская правда. 1932. 1 апреля. С. 3.
- (*Suvorov A.* Vmesto mekkano... banki dlya gutalina // Pionerskaya pravda. 1932. April 1. P. 3.)
- [Флерина 1931] — *Флерина Е.А.* Игрушка как она есть // Советская игрушка: Сборник Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам Всесоюзного совета и Государственного музея игрушки. Вып. 1. М.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во, 1931. С. 8—14.
- (*Flerina E.A.* Igrushka kak ona est' // Sovetskaya igrushka: Sbornik Mezhdovedomstvennogo nauchno-khudozhestvennogo soveta po igrushke i igrovym materialam Vsekopromsoвета i Gosudarstvennogo muzeya igrushki. Iss. 1. Moscow, 1931. P. 8—14.)
- [Флерина 1938] — *Флерина Е.* Нужен решительный сдвиг // Игрушка. 1938. № 3. С. 6—7.
- (*Flerina E.* Nuzhen reshitel'nyy sdvig // Igrushka. 1938. № 3. P. 6—7.)
- [Файвусиович 1928] — *Файвусиович А.А.* Об особенностях детей дошкольного возраста // Педология. Журнал психологии, педологии и психотехники. 1928. Кн. 2. С. 24—46.
- (*Fajvusiovich A.A.* Ob osobennostyakh detey predshkol'nogo vozrasta // Pedologiya. Zhurnal psikhologii, pedologii i psikhotehniki. 1928. Bk. 2. P. 24—46.)
- [Шабад 1929] — *Шабад А.* Jean Piaget. La Representation du Monde chez L'Enfant. Paris, 1926. Жан Пьяже. Представления о мире у ребенка. Париж, 1926 // Педология. 1929. № 1—2. С. 262—263.
- (*Shabad A.* Jean Piaget. La Representation du Monde chez L'Enfant. Paris, 1926. Zhan P'yazhe. Predstavleniya o mire u rebenka. Parizh, 1926 // Pedologiya. 1929. № 1—2. P. 262—263.)
- [Шварц 1952] — *Шварц Е.* Дневниковая записка от 17 октября 1952 года (<https://prozhito.org/notes?diaries=%5B74%5D&date=1952-01-01&offset=125> (дата обращения: 28.03.2023)).
- (*Schwartz E.* Dnevnikovaya zapis' ot 17 oktyabrya 1952 goda (<https://prozhito.org/notes?diaries=%5B74%5D&date=1952-01-01&offset=125> (accessed: 28.03.2023)).)
- [Boretti 2019] — *Boretti V.* Patriotic Fun: Toys and Mobilization in China from the Republican to the Communist Era // War and Childhood in the Era of the Two World Wars / Ed. by M. Honck, J. Marten. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 17—34.
- [Byford 2012] — *Byford A.* Russian Child Science in International and Contemporary Context. Durham University, 2012 (<https://www.dur.ac.uk/resources/russianchildscience/Report1Nov12.pdf> (accessed: 04.17.2023)).
- [Gasper-Hulvat 2018] — *Gasper-Hulvat M.* Public Nostalgia and the Infantalization of the Russian Peasant: Early Soviet Reception of Folk Art Toys // Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700—Present / Ed. by M. Brandow-Faller. New York: Bloomsbury Visual Arts, 2018. P. 273—292.
- [Heinimaa et al. 2005] — *Heinimaa M., Ivanova J., Marchenko M., Stserbina T.* Sankarilliset lelut: Neuvostoleikkikalun lyhyt historia. Jyväskylä: Atena, 2005.
- [Hoffmann 1997] — *Hoffmann H.* „Schwarzer Peter im Weltkrieg“. Die deutsche Spielwarenindustrie 1914—1918 // Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs / Hrsg. G. Hirschfeld et al. Essen: Klartext, 1997. S. 323—335.
- [Kelly 2007] — *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1991. New Haven: Yale University Press, 2007.
- [Peers 2008] — *Peers J.* Doll Culture // Girl Culture: an Encyclopedia. Vol. 1. Ed. by C.A. Mitchell and J. Reid-Walsh. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 2008. P. 25—38.
- [Soboleva 2017] — *Soboleva M.* The Concept of the "New Soviet Man" and Its Short History // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. Iss. 1. P. 64—85.